

Рец. на кн.: SOPHIE CHAO. *IN THE SHADOW OF THE PALMS:
MORE-THAN-HUMAN BECOMINGS IN WEST PAPUA.*

Durham, NC: Duke University Press, 2022. 336 p.

Степан Игоревич Петряков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

spetryakov@eu.spb.ru

Аннотация: Книга Софи Чао посвящена стремительному распространению плантаций африканской масличной пальмы в Западном Папуа. Экспансия товарной монокультуры, выращиваемой для глобального рынка, рассматривается в контексте онтологии папуасского народа маринд. Автор утверждает, что плантационная культивация инвазивного вида не только приводит к деградации окружающей среды и лишению маринд земли, но и трансформирует онтологический порядок коренных жителей. Масличная пальма проникает не только в экологию и экономику региона, но и в пространственное и темпоральное воображение маринд. Следуя за образами природы коренного народа, Чао выстраивает собственное повествование на контрастах между аутентичными способами существования маринд и эксплуататорской логикой агробизнеса. Изначально заявленная как мультивидовая и онтологическая, этнография тем не менее оказывается близка к структуралистскому подходу в антропологии.

Ключевые слова: масличная пальма, агробизнес, Индонезия, маринд, мультивидовая этнография, онтологии.

Для ссылок: Петряков С. Рец. на кн.: Sophie Chao. *In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua*. Durham, NC: Duke University Press, 2022. 336 p. // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 365–376.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-365-376

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/petryakov.pdf>

A Review of SOPHIE CHAO, *IN THE SHADOW OF THE PALMS:
MORE-THAN-HUMAN BECOMINGS IN WEST PAPUA.*

Durham, NC: Duke University Press, 2022, 336 pp.

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

spetryakov@eu.spb.ru

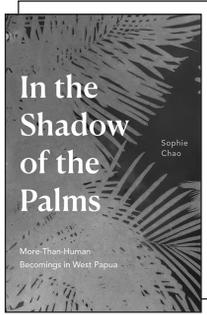
Abstract: The book examines the spread of African oil palm plantations in West Papua. The process of expansion of a commodity monoculture grown for the global market is situated in the context of the ontology of the Papuan Marind people. The author argues that plantation cultivation of an invasive species leads not only to dispossession and environmental degradation, but also transforms the ontological order of indigenous people. The oil palm penetrates not only into the ecology and economy of the region, but also occupies a significant place in the spatial and temporal imagination of the Marind. Following the figurative language of the indigenous people, the author creates her own narrative through contrasting the authentic ways of Marind existence with the exploitative logic of agribusiness. At the beginning, Chao claims to be conducting multi-species and ontological ethnography, but her work is nevertheless close to the structuralist approach in anthropology.

Keywords: oil palm, agribusiness, Indonesia, Marind people, multispecies ethnography, ontologies.

To cite: Petryakov S., 'A Review of Sophie Chao, *In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua*. Durham, NC: Duke University Press, 2022, 336 pp.', *Anthropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 365–376.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-365-376

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/petryakov.pdf>

Рец. на кн.: **Sophie Chao. *In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua.*** Durham, NC: Duke University Press, 2022. 336 p.

Книга Софи Чао посвящена стремительному распространению плантаций африканской масличной пальмы в Западном Папуа. Экспансия товарной монокультуры, выращиваемой для глобального рынка, рассматривается в контексте онтологии папуасского народа маринд. Автор утверждает, что плантационная культивация инвазивного вида не только приводит к деградации окружающей среды и лишению маринд земли, но и трансформирует онтологический порядок коренных жителей. Масличная пальма проникает не только в экологию и экономику региона, но и в пространственное и темпоральное воображение маринд. Следуя за образами природы коренного народа, Чао выстраивает собственное повествование на контрастах между аутентичными способами существования маринд и эксплуататорской логикой агробизнеса. Изначально заявленная как мультивидовая и онтологическая, этнография тем не менее оказывается близка к структуралистскому подходу в антропологии.

Ключевые слова: масличная пальма, агробизнес, Индонезия, маринд, мультивидовая этнография, онтологии.

Призыв Донны Харауэй «заводить сородицей» среди «видов-компаньонов», т.е. развивать симметричные и взаимовыгодные отношения между людьми и не-людьми, широко известен [Naraway 2003; 2016]. Повидимому, приверженцы мультивидовой этнографии, во многом испытывавшие влияние ее работ, отнеслись к этому призыву чересчур серьезно. В результате *более-чем-человеческие отношения* оказались едва ли не полностью пронизаны этосом взаимности, тогда как места для «нелюбимых других» [Rose, van Dooren 2011] в изысканиях антропологов почти не осталось. Однако что если современный капитализм способен породить такие формы жизни, с которыми установить взаимные отношения невозможно? Книга Софи Чао, антрополога из Сиднейского университета, представляет собой попытку ответить на этот вопрос. В центре внимания Чао, которая провела восемнадцать месяцев в районе реки Верхний Биан в индонезийской провинции Папуа, — стремительное распространение плантаций африканской масличной пальмы (*Elaeis guineensis* Jacq.) и то, как его видят местные жители,

Степан Игоревич Петряков
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

принадлежащие к одной из групп коренного народа маринд. Этнография Чао показывает, как монокультура, выращиваемая для глобального рынка, трансформирует межвидовые отношения, время и пространство.

Африканская масличная пальма уже привлекала внимание антропологов [Taussig 2018; Li, Semedi 2021]. Будучи сырьем для производства пальмового масла и биотоплива, она выращивается как одна из самых популярных в мире монокультур, спрос на которую резко вырос на фоне мирового экономического кризиса 2008 г. При этом плантационная культивация пальмы влечет за собой вырубку лесов, исчезновение местных видов и разрушение источников средств к существованию во многих регионах периферии капиталистической *мир-системы*. Поэтому внимание к масличной пальме со стороны антропологов, работающих в странах глобального Юга, отнюдь не случайно.

В отличие от предыдущих исследований пальмовых плантаций, Софи Чао предлагает смотреть на экспансию монокультуры не как на набор антропогенных факторов, будь то действие новых режимов труда, глобальных рынков или неолиберальных «программ национального развития» (см., например: [Li 2018; Wolford 2021]). Напротив, она призывает «отнестись серьезно» к опыту коренного народа маринд, который признает растения полноправными акторами¹. Вслед за своими информантами (и нынешними трендами в антропологии) Чао предлагает сосредоточиться на агентности масличной пальмы. В соответствии с этим исследовательница рассматривает растение не как пассивный объект человеческой эксплуатации (в духе наивного экологизма) или продукт овеществления общественных отношений (в духе марксовской теории товарного фетишизма), но как актора, причем актора ненасытного и разрушительного, занимающего важное место в онтологии маринд. По мнению Чао, подобная форма мышления *вместе с маринд* способна подорвать гегемонию ориентированных на человека политэкономических подходов к агробизнесу. Зачем нужен подрыв такого «слишком человеческого» способа анализа? Как полагает Чао, это позволяет, во-первых, дать голос коренному народу, чья история пронизана угнетением со стороны индонезийского государства, и во-вторых, рассматривать капиталистическое насилие как многовидовой процесс. Таким образом, Чао старается подчеркнуть, что в современном агробизнесе отношения власти и доминирования существуют не только между людьми, но и между человеком и растением.

¹ Оборот *take seriously*, присутствующий в тексте Чао и в работах других онтологов, по-видимому, заимствован у бельгийского философа науки Изабель Стенгерс [Stengers 2010].

Полевая работа Чао в Западном Папуа проходила на фоне преследования маринд со стороны индонезийских властей. Необходимость поддержания доверительных отношений с теми из маринд, кто выступает против промышленной культивации масличной пальмы на своих землях, отразилась на полевой работе. Как признается сама Чао, ей не удалось установить контакт с представителями агробизнеса, силовых структур, а также с теми из маринд, кто поддерживал выращивание монокультуры. Эти особенности полевой работы наложили свой отпечаток на содержание книги. Так, в этнографии отражена лишь онтология маринд-критиков, тогда как онтологии агробизнеса или голоса наемных плантационных рабочих из числа трудовых мигрантов не представлены. Тем не менее Чао ясно дает понять читателю, чьи истории включены в книгу, а чьи остаются без внимания.

Композиция книги вполне традиционна для англоязычной антропологической монографии: каждая из восьми глав начинается с выразительной виньетки, плавно переходящей в дополнительную контекстуализацию и теоретизирование, которое выстраивается вокруг наиболее фактурных этнографических деталей. Первые две главы посвящены пространственным практикам маринд — опыту мобильности и картографированию пространства. Третья и четвертая главы повествуют о различных способах взаимодействия маринд с животным и растительным миром. В центре пятой и шестой глав — роль завозной масличной и местной саговой пальмы в жизни маринд. В седьмой и восьмой главах Чао знакомит читателя с темпоральным и онейрическим воображением коренных жителей.

С первой же главы Чао погружает читателя в «экокосмологию» маринд, показывая, как, с их точки зрения, масличная пальма трансформирует ландшафт. На первый взгляд, история вполне знакомая: по мере распространения плантационных хозяйств доступ коренных жителей к лесным угольям, где они занимаются охотой и собирательством, оказывается ограничен. Однако речь идет не просто о захвате земли транснациональным агробизнесом и последующей анклавизации коренного населения. Приватизированные и охраняемые плантации не только мешают охотиться и свободно перемещаться, но и разрушают связи между маринд и лесными духами *амаи*, с которыми маринд находятся в отношениях родства. Более того, в результате появления дорог, блокпостов и самих плантаций — *болевых точек*, или *точек давления* (*pressure points*), как их называет Чао, нарушается мультитиповая топография леса, в которой границы клановых территорий определяются перемещениями животных и ареалами их обитания. Монокультура в целом

оказывает давление на местную флору и фауну, препятствуя миграции видов по суше и воде, и, как следствие, биоценозы утрачивают былое разнообразие.

Концептуальная фигура *болевых точек*, которая разрабатывается Чао на протяжении всей книги, кажется мне особенно интересной. Исследовательница заимствует ее из практик точечного массажа и боевых искусств. Этот странный аналитический троп содержит в себе указание на амбивалентность, напоминая свойства *фармакона* в интерпретации Жака Деррида, яда и лекарства одновременно (Р. 243). Подобно фармакону, плантационные *болевы точки* для коренных жителей предполагают как возможность трудоустройства или роста пространственной и социальной мобильности, так и анклавизацию их общин и нанесение вреда окружающей среде. Тут стоит сказать, что позитивистски ориентированному читателю рассуждения про акупунктуру и акупрессуру в качестве источника теоретизации могут показаться несколько экстравагантными. Впрочем, этнография Чао тем и примечательна, что не ограничивается использованием пары-тройки хорошо известных социологических концепций.

Проблема может крыться в другом. Буквально на нескольких страницах *болевы точки* из альтернативной медицины сочлениются с *фармаконом* Деррида и *нервной системой* Майкла Тауссига. Эта эклектичность создает у читателя ощущение спутанности или даже нагромождения. Подобные примеры не единичны: точно так же Чао сперва называет плантационные ландшафты «топографией страха», вслед за этим говорит об «экологии страха» со ссылкой на Вину Дас, а затем, обращаясь к тому же Тауссигу, называет их «пространством смерти» (Р. 49). В чем состоит эвристическая ценность подобной терминологической игры? Не сводится ли тогда интерпретация к простому перечислению броских терминов, которые на слуху у любого хорошо образованного антрополога? Наконец, не растворяется ли конкретное этнографическое поле в чересчур обильном цитировании? К сожалению, поэтика теоретизации в работе Чао местами выглядит именно так. Приведу еще один пример из седьмой главы, посвященной влиянию масличной пальмы на организацию времени у маринд. Лишь в одном абзаце автор сообщает, что темпоральное воображение маринд бросает вызов тому, что Элизабет Фриман называет «хрононормативностью»; не соответствует тому, что Арджун Аппадурани называет «политикой ожидания»; связано с тем, что Кэтлин Миллар называет «политикой отстранения», что совпадает с пониманием революции у Вальтера Беньямина в «Тезисах об истории» и утверждает то, что Марк Рифкин называет «темпоральным суверенитетом» (Р. 179).

На мой взгляд, почти все применяемые Чао концепты вполне самостоятельны. Каждый из них заслуживает отдельного внимания и едва ли может быть использован, так сказать, впроброс. Не совсем понятно и то, как подобный стиль анализа и письма способствует заявленному во введении желанию «этнографизировать теорию» (Р. 7). Ведь в результате ни *фармакон* Деррида, ни *нервная система* Тауссига, ни «Тезисы об истории» Беньямина, ни десятки других идей и понятий не входят в резонанс с этнографическими деталями, сила которых, как кажется, и способна задавать теории новую траекторию. Напротив, полевые истории, которые рассказывает Чао в начале каждой главы, оказываются куда более запоминающимися, нежели сплетаемые ею понятийные кружева. Чего только стоит рассказ про человека, превратившегося в казуара, из третьей главы или история про казуара, превратившегося в человека, из четвертой!

Тем не менее избыточность привлекаемых концептуальных ресурсов не мешает Чао показывать двусмысленный характер современного агробизнеса. Например, рассуждения о *болевых точках* действительно хорошо иллюстрируют ситуацию, при которой масличная пальма предоставляет людям маринд доступ к работе и образованию, но в то же время погружает их в жестокий мир захвата территорий транснациональными корпорациями. Действительно, нельзя однозначно определить, что несет с собой распространение растения. Рабочие места и «прогресс» или же лишение земли и экологический ущерб? Чао пытается указать на эти противоречия, чутко подмечая детали повседневной жизни. Вот маринд осуждают субсидированную государством еду быстрого приготовления, уступку земель агробизнесу и работу на плантациях. Вместе с тем они с трепетом относятся к современным удовольствиям, таким как принятие ванны или использование мобильного телефона. Попытка сделать акцент на амбивалентности капиталистической современности является неоспоримым достоинством работы Чао. Тем не менее голоса маринд, устремленных в модернность, довольно часто приглушаются голосами коренных активистов, прославляющих гармоничную лесную жизнь.

Именно плотный контакт с активистами маринд, критически настроенными по отношению к агробизнесу, обусловил принципиальную особенность книги: автор знакомит читателя лишь с той онтологией, в которой масличная пальма становится вездесущим и в первую очередь разрушительным агентом. С их точки зрения, растение делает ландшафт однородным, останавливает течение времени и вводит мир в состояние, которое маринд называют «абу-абу» — момент неопределенности, напоминающий густой серый дым от горящих лесов.

В своих рассуждениях Чао во многом следует за теми убедительными образами природы, которыми с ней делились ее друзья-информанты. Делается это вполне намеренно, ведь их рассуждения о влиянии агробизнеса на окружающую среду антрополог предлагает, с одной стороны, наделить онтологической автономией, с другой стороны, рассматривать в качестве своеобразной локальной критической теории. Так, согласно ярким и выразительным рассказам маринд, именно африканская масличная пальма ответственна за то, что птицы в небе Западного Папуа сменяются вертолетами, распыляющими удобрения, а дикие саговые рощи, некогда наполненные звуками живых существ, уступают место геометрически ровным рядам монокультуры, в которых царит тишина, изредка нарушаемая грохотом бульдозеров. Несложно заметить, что если онтология и критическая теория маринд существуют, то в работе Чао они оказываются чуть ли не полностью состоящими из оппозиций между тем, что Анна Цзин назвала «первой природой» как совокупностью экологических взаимосвязей и «второй природой» как капиталистическим преобразованием окружающей среды [Tsing 2015: VIII].

Во второй главе, посвященной картографированию пространства, такие контрасты представлены наиболее осязаемо. Чао противопоставляет «безжизненные» карты, составленные агентами государства и агробизнеса с целью дальнейшего расширения плантационных хозяйств, и низовые практики контркартирования, с помощью которых маринд могли бы заявить о своих правах на землю. Если первые создаются с помощью различных оптических средств и представляют ландшафт как абстрактное количественно измеряемое пространство, то вторые основаны на фиксации звуков леса посредством GPS-координат и учитывают ритмы жизненных миров не-людей. «В то время как государственные карты изображают природу как пассивный ресурс, доступный для эксплуатации человеком, карты маринд представляют природу в порождающем движении (*generative motion*)», — заключает Чао (Р. 68).

Читая о противопоставлении тактильно-аудиального пространства леса у маринд и абстрактного пространства государственных карт, я был готов к ссылке на идею Тима Ингольда о немодерной перспективе обитателя и модерной перспективе проектировщика (*dwelling perspective and building perspective*) [Ingold 2000: 172–188]. И не прогадал. Она появляется на странице 66. Подобная предсказуемость указывает, что Чао, увы, не всегда удается выйти за пределы знакомых оппозиций, которые, вполне вероятно, стали здравым смыслом не только для антропологов, но и для активистов из числа коренных народов. Именно оппозиции лежат в основе того способа рассказывать о масличной пальме, к которому обращаются маринд и за ко-

торым предлагает следовать Чао. Так, третья глава структурирована посредством оппозиции влаги и сухости, а в пятой и шестой главах прослеживается противопоставление завезенной масличной пальмы и местной саговой пальмы. Закономерно, что влага саговых роц, где любят проводить время маринд, связывается с реципрокными мультивидовыми отношениями, которые коренной народ поддерживает с не-человеческими обитателями тропиков путем обмена телесными субстанциями (слезами и потом). В свою очередь, участвовавшие в регионе засухи, расчищенные под плантации леса и впитывающая удобрения почва соотносятся с масличной пальмой. Она нарушает гармоничный метаболизм между различными формами жизни леса и действует по модели негативной реципрокности, т.е. забирает, не давая ничего взамен.

Чао не оставляет без внимания саму логику оппозиций и пытается интерпретировать все приведенные дуализмы при помощи концепции контрапунктов. Заимствуя это понятие (*Kontrapunkt*) у немецкого биолога и основателя биосемиотики Якоба фон Икскуля, Чао полагает, что «природа как таковая возникает в результате контрапунктных отношений живых организмов и их окружающей среды» (Р. 146). Тем не менее, как кажется, выбранный аналитический ход остается не до конца продуман и не способствует установлению диалектической взаимосвязи между явлениями. По этой причине анализ Чао зачастую ограничивается констатацией того, что в жизни маринд существует набор дуализмов, части которых обладают собственным онтологическим статусом. В итоге перед нами вновь предстают саговые рощи и плантации, лесные птицы и пластиковые дроны, домашние животные и дикие звери. При этом речь идет именно о дуализмах (или даже о дуальных классификациях в духе Мэри Дуглас), а не о противоречиях, ключевым из которых можно было бы считать, например, «слишком человеческое» противоречие между транснациональным агробизнесом и местной рабочей силой вместе с трудовыми мигрантами из соседних регионов. Чао, конечно, подступает к проблеме генезиса контрапунктов, указывая, что экспансия монокультуры фрагментирует «симпозиетические жизненные миры людей и не-человеческих существ» (Р. 147). Однако не напоминает ли нам такое рассуждение другую популярную дихотомию антропологического дискурса — *укорененного и разукорененного (embedded and disembedded)*? Ведь, согласно Чао, мы имеем дело, с одной стороны, с мультивидовой социальностью маринд, встроенной в гармоничный порядок окружающей среды, с другой стороны, с монокультурой и агробизнесом, которые «вырывают маринд из отношений взаимообусловленности с окружающей средой» (Р. 147) и тем самым создают мир дуализмов.

В результате в книге Чао оказывается чересчур много оппозиций, и вся ее этнография в определенный момент начинает работать в пользу крипто-структуралистского подхода, который в чем-то схож с рассуждением Леви-Строса о холодных и горячих культурах. Полемически заостряя, можно сказать, что перед нами предстает следующая картина. Маринд живут в контр-продуктивистском мире множества перспектив — людей и не-людей. В нем одни существа сбалансированно обмениваются телесными субстанциями с другими, а практики одомашнивания животных и растений считаются пагубными¹. Это чрезвычайно гармоничный мир. Его ритмы нарушает агробизнес с присущим ему эгоизмом и желанием безграничного экономического роста. Агробизнес не принимает в расчет более-чем-человеческую социальность леса и иссушает ландшафт, доселе пышущий био-разнообразием. Разумеется, Чао не доходит до заявления о том, что одна культура уничтожает другую. В заключении исследовательница даже признается, что меньше всего хотела бы рассказывать о «смерти примитивной культуры» (Р. 212). Однако то, что я бы назвал овеществлением активистского дискурса, создает именно такой эффект.

Что в этой связи меня интересует, так это возможная рефлексия по поводу не столько онтологии, сколько «дискурса контрастов» [Comaroff, Comaroff 1987], характерного для всех обществ, которые знакомятся с капитализмом. Подобную постановку проблемы едва ли можно считать релевантной академическим модам — она выглядит редукционистской и близка к марксистским исследованиям овеществления и товарного фетишизма, которые Чао сознательно обходит стороной (Р. 212). Вместе с тем такой дискурс хорошо изучен в различных этнографических контекстах (см., например: [Gordillo 2002]). Дискурс контрастов не отражает некую реально существовавшую или существующую дуальность: дуальную экономику (наемный труд vs охота и собирательство) или дуальную окружающую среду (инвазивные виды vs местные виды). Напротив, такие оппозиции образуются и диалектически сосуществуют внутри одного более широкого процесса распространения капитализма. Подобный язык контрастов одновременно выражает противоречия способа производства и служит основным оружием критики для тех, кто сталкивается с институтами наемного труда и товарно-денежных отношений. Точно так же можно предполо-

¹ Чао отмечает, что одомашнивание, с точки зрения маринд, подразумевает лишение животных и растений свободы воли. Поэтому коренные жители практикуют то, что Чао называет «этосом сдержанной заботы». Такая забота сочетает в себе уважение к свободе не-человеческих существ, признание их права на свободное перемещение в лесу и поддержание взаимных отношений с ними. По мнению Чао, противясь практикам доместикации, маринд отрицают саму идею человеческого господства над природой.

жить, что мультивидовые отношения родства и биоразнообразие леса, о которых перед лицом антрополога (это немаловажно) красочно рассуждают представители маринд, критически настроенные по отношению к плантациям, не трансисторичны и онтологически устойчивы, но становятся ясно артикулированными лишь в результате плантационной экспансии, которая угрожает любым устойчивым формам социальности.

Впрочем, Чао честно позиционирует свое исследование как активистское (Р. 27). Люди, с которыми она работала, были вовлечены в создание этнографии на всех этапах исследования. Исходя из этого, можно предположить, что задачей книги является в первую очередь попытка дать голос угнетенной группе, отразить тот способ существования, который практикует народ маринд в Западном Папуа (или по крайней мере группа активистов маринд). Именно в этом способе существования Чао видит возможность для выработки такой политики, которая будет учитывать роль не-человеческих существ.

Куда более интригующей и избавленной от дуализмов мне показалась заключительная, восьмая глава книги. В ней Чао рассказывает о том, как агрессивное растение проникает в сновидения коренных жителей, где пожирает их тела и прорастает сквозь плоть. По ее мнению, подобные сны указывают на то, что широкое распространение масличной пальмы в физическом пространстве приводит к ее распространению и в сновидческой топографии маринд. Сам феномен снов исследовательница предлагает рассматривать как форму креативного онто-онейрического воображения, равно как и важный психокультурный ресурс, дальнейшее исследование которого позволит лучше понять, как разные общества отличают реальное от воображаемого. Чрезвычайно любопытно, что в истории Чао масличная пальма, в отличие от людей, оказывается существом, не способным уснуть. Прорастая повсюду, она продуктивна 24/7. В этом отношении растение на удивление похоже на других «монстров» круглосуточной экономики позднего капитализма: цифровые платформы, логистические компании, аппараты надзора и контроля мегаполисов. Обратив внимание на своего рода бессонницу пальмы, я вспомнил об одной остроумной формулировке Владимира Ленина. В первой главе «Государства и революции» Ленин вскользь упоминает, что при коммунизме государство и другие аппараты капиталистического насилия не отомрут, но *уснут* [Ленин 1969: 17]¹. Не будучи исследованием материальных отношений, режимов труда и собственности, но представляя собой ценную этнографию способов воображения

¹ Подробнее об этом сюжете см.: [Penzin 2015].

коренного народа, работа Чао дает надежду, что и масличная пальма будет не уничтожена, а уснет, высвободится из рук агробизнеса и уже в более дружелюбном облики начнет грезить вместе с маринд о более справедливом мире.

Библиография

- Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Политическая литература, 1969. Т. 33. С. 1–120.
- Comaroff J., Comaroff J. The Madman and the Migrant: Work and Labor in the Historical Consciousness of a South African People // *American Ethnologist*. 1987. Vol. 14. No. 2. P. 191–209.
- Gordillo G. The Dialectic of Estrangement: Memory and the Production of Places of Wealth and Poverty in the Argentinean Chaco // *Cultural Anthropology*. 2002. Vol. 17. No. 1. P. 3–31.
- Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2003. 112 p.
- Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene. Durham, NC: Duke University Press, 2016. 312 p.
- Ingold T. The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. L.: Routledge, 2000. 465 p.
- Li T.M. After the Land Grab: Infrastructural Violence and the “Mafia System” in Indonesia’s Oil Palm Plantation Zones // *Geoforum*. 2018. Vol. 96. P. 328–337. doi: 10.1016/j.geoforum.2017.10.012.
- Li T.M., Semedi P. Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia’s Oil Palm Zone. Durham, NC: Duke University Press, 2021. 243 p.
- Penzin A. No More Sleep No More // Correale D. (ed.). No More Sleep No More. B.: Archive Books, 2015. P. 93–111.
- Rose D., van Dooren T. Unloved Others: Death of the Disregarded in the Time of Extinctions // *Australian Humanities Review*. 2011. Vol. 50. P. 1–4. doi: 10.22459/AHR.50.2011.
- Stengers I. *Cosmopolitics I*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2010. 272 p.
- Taussig M. *Palma Africana*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018. 258 p.
- Tsing A. L. *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015. XIII+332 p.
- Wolford W. The Plantationocene: A Lusotropical Contribution to the Theory // *Annals of the American Association of Geographers*. 2021. Vol. 111. No. 6. P. 1622–1639. doi: 10.1080/24694452.2020.1850231.

**A Review of Sophie Chao, *In the Shadow of the Palms: More-Than-Human Becomings in West Papua*.
Durham, NC: Duke University Press, 2022, 336 pp.**

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6 /1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

The book examines the spread of African oil palm plantations in West Papua. The process of expansion of a commodity monoculture grown for the global market is situated in the context of the ontology of the Papuan Marind people. The author argues that plantation cultivation of an invasive species leads not only to dispossession and environmental degradation, but also transforms the ontological order of indigenous people. The oil palm penetrates not only into the ecology and economy of the region, but also occupies a significant place in the spatial and temporal imagination of the Marind. Following the figurative language of the indigenous people, the author creates her own narrative through contrasting the authentic ways of Marind existence with the exploitative logic of agribusiness. At the beginning, Chao claims to be conducting multi-species and ontological ethnography, but her work is nevertheless close to the structuralist approach in anthropology.

Keywords: oil palm, agribusiness, Indonesia, Marind people, multispecies ethnography, ontologies.

References

- Comaroff J., Comaroff J., 'The Madman and the Migrant: Work and Labor in the Historical Consciousness of a South African People', *American Ethnologist*, 1987, vol. 14, no. 2, pp. 191–209.
- Gordillo G., 'The Dialectic of Estrangement: Memory and the Production of Places of Wealth and Poverty in the Argentinean Chaco', *Cultural Anthropology*, 2002, vol. 17, no. 1, pp. 3–31.
- Haraway D., *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2003, 112 pp.
- Haraway D., *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, NC: Duke University Press, 2016, 312 pp.
- Ingold T., *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge, 2000, 465 pp.
- Lenin V. I., 'Gosudarstvo i revolyutsiya' [State and Revolution], Lenin V. I., *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 5th ed. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1969, vol. 33. pp. 1–120. (In Russian).

- Li T. M., 'After the Land Grab: Infrastructural Violence and the "Mafia System" in Indonesia's Oil Palm Plantation Zones', *Geoforum*, 2018, vol. 96, pp. 328–337. doi: 10.1016/j.geoforum.2017.10.012.
- Li T. M., Semedi P., *Plantation Life: Corporate Occupation in Indonesia's Oil Palm Zone*. Durham, NC: Duke University Press, 2021, 243 pp.
- Penzin A., 'No More Sleep No More', Correale D. (ed.), *No More Sleep No More*. Berlin: Archive Books, 2015, pp. 93–111.
- Rose D., van Dooren T., 'Unloved others: Death of the Disregarded in the Time of Extinctions', *Australian Humanities Review*, 2011, vol. 50, pp. 1–4. doi: 10.22459/AHR.50.2011.
- Stengers I., *Cosmopolitics I*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2010, 272 pp.
- Taussig M., *Palma Africana*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018, 258 pp.
- Tsing A. L., *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015, XIII+332 pp.
- Wolford W., 'The Plantationocene: A Lusotropical Contribution to the Theory', *Annals of the American Association of Geographers*, 2021, vol. 111, no. 6, pp. 1622–1639. doi: 10.1080/24694452.2020.1850231.